

Понятія души и психической энергіи въ психологіи.

(Окончаніе *).

VII.

Когда наука, въ своихъ обобщеніяхъ, имѣетъ дѣло съ очень отвлеченными понятіями и формулами законовъ, то она должна помнить ихъ *предѣлы* въ *двоѣкомъ* отношеніи, а именно не вкладывать въ нихъ больше того содержанія, чѣмъ какое имъ присуще, но и не вычитать изъ нихъ того несомнѣннаго содержанія, какое должно входить въ нихъ на основаніи данныхъ опыта и законовъ мысли. Въ первомъ случаѣ получается то гипостазированіе понятія, т.-е. приписаніе имъ ложной реальности, о которомъ говоритъ проф. Введенскій въ своей статьѣ „Атомизмъ и энергетизмъ“. Во второмъ случаѣ у понятій отнимается свойственное имъ объективное значеніе, и они становятся мертвыми алгебраическими знаками. Надо избѣгать обѣихъ крайностей.

Эти замѣчанія относятся всецѣло и къ понятіямъ энергіи и закона ея сохраненія. Несомнѣнно, что Оствальдь и другіе энергетисты, приписывая понятію энергіи единствен-

---

*) См. 37-ую книгу «Вопросовъ философіи».

Откладывая печатаніе окончанія моей статьи, набранной вполнѣ еще весною, я имѣлъ въ виду нѣсколько переработать и дополнить вторую ея часть. По особымъ обстоятельствамъ, я не могъ исполнить пока своего намѣренія. Въ виду появленія нѣкоторыхъ критикъ на мою теорію психической энергіи, я рѣшаюсь поспѣшить печатаніемъ 7-й главы статьи, отложивъ отвѣты критикамъ до болѣе благопріятнаго времени.

Н. Гротъ.

ную реальность, вкладываютъ въ это понятіе болѣе, чѣмъ оно въ состояніи вмѣститъ въ себѣ: энергія понимается въ старомъ значеніи силы дѣйствующей и даже чуть не въ метафизическомъ значеніи единственной реальной субстанции міра. Энергія, какъ мы ее опредѣляли, есть способность двигателя или дѣателя къ работѣ, какъ движенію съ преодоленіемъ препятствій, т.-е. движенію и способностей къ работѣ другихъ дѣателей. Дѣатель или двигатель — отвлеченное понятіе, x — для обозначенія источника и носителя энергіи, будь это матерія или нѣчто другое, пусть даже какая-либо „субстанція“, разумѣя этотъ терминъ, какъ *эмпирически-предѣльно* понятіе, годное для обозначенія „неизвѣстной реальности“. Энергія, какъ способность къ работѣ, не есть сама по себѣ дѣатель или источникъ дѣйствія, а только *свойство* этого дѣателя. Но она не есть и само „движеніе“ и сама „работа“ въ ея эмпирическомъ проявленіи, а нѣчто большее, — именно свойство или способность проявлять движенія. Только въ этомъ смыслѣ и можно говорить о *потенціальной* энергіи въ покоящемся дѣателѣ, только въ этомъ смыслѣ и имѣетъ значеніе *законъ сохранения энергіи*.

Психическую энергію мы понимали какъ способность къ психической работѣ — съ преодоленіемъ препятствій. Препятствіями къ психической работѣ могутъ быть, конечно, только движенія и энергіи физическія (энергіи и движенія нервныхъ тканей — ихъ работа). Слѣдовательно и психическую работу необходимо разсматривать съ механической точки зрѣнія какъ совокупность „движеній“: ничто кромѣ движенія не можетъ преодолевать движенія. Какое движеніе лежитъ въ основаніи психической работы, и движеніе какого дѣателя (или субстанции) природы, мы не знаемъ. Мы не обязаны, съ своей точки зрѣнія, доказывать что дѣло идетъ о движеніи „тѣлъ“ и даже „массъ“, такъ какъ мы примкнули съ самаго начала къ ученію тѣхъ естествоиспытателей, которые замѣняютъ въ формулахъ закона сохранения энергіи понятія „массы“ понятіемъ „единства энергіи“ (Einheit der Energie). Если же дѣло идетъ о дви-

женіи „невѣсомой среды“, то этимъ вопросъ нисколько не разъясняется, такъ какъ законы движенія невѣсомой среды далеко еще недостаточно изслѣдованы и выяснены точной наукой*). Допустимъ, что въ области психической дѣятельности мы имѣемъ дѣло съ движеніями этой „невѣсомой среды“. Несомнѣнно одно, что элементами психической работы являются движенія. Понятіе движенія не менѣе широко чѣмъ понятіе энергіи: это обобщеніе фактовъ воспріятія. Аристотель былъ совершенно правъ, различая три рода движенія—количественное (*κατὰ μέγεθος* или *αὔξησις* и *φθίσις*—увеличеніе и уменьшеніе), качественное (*κατὰ τὸ ποῖον* или *κατὰ πάθος*, или *ἀλλοίωσις*—измѣненіе) и движеніе пространственное или мѣстное (*κατὰ τόπον* или *ψορά*—переносъ). Последнее движеніе—по современной терминологіи—чисто механическое, первое—по преимуществу физическое, второе—психическое. Но Аристотель не зналъ еще законовъ соотношенія и превращенія движеній и ихъ сохраненія (сохраненія энергій, какъ способностей движенія**). Въ настоящее время наука должна была признать, что количественное движеніе, или измѣненіе, является основою и формою качественныхъ движеній или измѣненій, а механическое движеніе можетъ служить эквивалентомъ количественнаго движенія или измѣненія. Въ этомъ смыслѣ и психическое движеніе, будучи прежде всего (для сознанія) качественнымъ измѣненіемъ,—какъ мы старались показать, подлежить въ то же время количественной оцѣнкѣ и должно быть признано выразимымъ въ эквивалентахъ механическаго движенія: иначе оно не могло бы и с т о щ а т ь с я при преодоленіи препятствій и

*) Объясненіе этимъ движеніемъ эфирной среды явленія тяготѣнія и магнетизма, конечно, не менѣе гипотетично, чѣмъ могло бы быть объясненіе, при его помощи, явленій «психическихъ», какъ проявленій «психической энергіи». Извѣстно, какимъ еще шаткимъ является критерій для различенія, хотя бы кинетическихъ и потенциальныхъ энергій магнетизма при участіи этой гипотезы (разумѣемъ критерій устойчивости положенія).

**) Поэтому онъ говорилъ (*Phys.*, V, I), въ противорѣчій съ самимъ собою, то не всякая *μεταβολή* (измѣненіе) есть *κίνησις*, напр. *γένεσις* и *φθορά*.

переходить въ организмъ же въ механическое движеніе органовъ и мышечныхъ тканей.

Но изъ сдѣланнаго выше опредѣленія понятій дѣятеля, энергіи, работы и движенія совершенно ясно, что все сказанное нами о психической энергіи, работѣ и движеніи еще ничего не предрѣшаетъ именно относительно вопроса о томъ дѣятелѣ, который является реальнымъ источникомъ этой энергіи, движенія и работы, какъ и теорія физическихъ энергіи и движеній, какъ мы видѣли, ничего не предрѣшаетъ относительно тѣхъ дѣятелей, которые являются ихъ послѣдними источниками: матерія ли это или не матерія, а сила и т. п., мы не знаемъ. Вотъ эту-то истину и выяснилъ особенно отчетливо современный энергетизмъ. Несомнѣнно, что логика нашей мысли требуетъ предположенія какихъ-то двигателей или дѣятелей, какъ источниковъ и носителей энергіи и работы, и что эти дѣятели и двигатели во всей природѣ однородны, ибо всѣ движенія въ природѣ переходятъ другъ въ друга. Но что такое эти дѣятели—матеріальные атомы или психическія монады*), мы не знаемъ. Отвлеченное понятіе дѣятеля, какъ начала движенія (*τὸ κίνηον* или *ἀρχὴ τῆς κινήσεως*) у древнихъ греческихъ философовъ Платона и Аристотеля было вполне законно, какъ выраженіе глубокой логической потребности человѣческаго ума, искать причины всѣхъ явленій человѣческаго опыта, а слѣдовательно и причинъ движенія и перемѣны. И если оба упомянутые философа считали идеальное (идеи) и духовное (души) въ мірѣ и тѣлахъ источниками движенія, то они были столько же правы, сколько новѣйшіе матеріалисты, признававшіе, что источникъ движенія лежитъ въ матеріи или ея атомахъ. Очевидно оба противоположныя толкованія остаются и теперь *гипотетическими*, ибо самыя понятія „духъ“ и „матерія“ выражаютъ собою не доподлинно извѣстныя намъ реальности, а предѣльные понятія ума, представляющія обобщенія и отвлеченія нѣкоторыхъ и при-

*) Въ родѣ монадъ Дж. Бруно или Лейбница, или «самодвижущихся атомовъ» Дельбѣфа.

томъ противоположныхъ признаковъ реальностей, открывающихся нашему сознанию и самосознанию. Точной наукѣ, для ея опытнаго изученія дѣйствительности и экспериментации надъ нею, они и *не нужны* *), а критика познанія или метафизика, въ Кантовскомъ смыслѣ, можетъ ихъ изслѣдовать на свой страхъ,—и конечно точная наука не можетъ ей въ этомъ препятствовать.

Съ точки зрѣнія „критики познанія“ проблема духа и матеріи остается по прежнему проблемой. Въ физическомъ ученіи объ энергіи есть одинъ загадочный пунктъ, къ которому можетъ прицѣпиться всякая „метафизика духа“, т.-е. спиритуалистическая. Этотъ пунктъ—переносъ энергіи изъ одного тѣла въ другое, или изъ одной части „системы“ въ другую, во время работы, при сохраненіи общаго ея количества и мѣры въ системѣ (законъ сохранения энергіи). Допуская уменьшеніе и увеличеніе энергій (способностей къ работѣ) въ отдѣльныхъ частяхъ системы, физика допускаетъ этимъ самымъ переходъ какой-то реальности изъ одного тѣла въ другое, безъ измѣненія внутренней реальности его существованія. Это какъ бы нѣкоторое логическое противорѣчіе или, по выраженію Канта, *антиномія* для ума нашего. Билліардный шаръ ударилъ другой шаръ, послѣдній покатился, первый откатился: оба остались вполне реальны, какъ элементы дѣйствительности, но оба что-то реальное получили другъ отъ друга и что-то реальное другъ другу отдали,—одинъ больше отдалъ, чѣмъ получилъ, другой больше получилъ, чѣмъ отдалъ; первый, по терминологіи механики, „произвелъ работу“ надъ вторымъ, но общая сумма ихъ энергій не измѣнилась. Вотъ простѣйшій примѣръ передачи и превращенія энергій въ природѣ. Анализируя его логически, можно допустить нѣсколько толкованій: что одна часть матеріи передала другой части какую-то силу и что силы въ природѣ различны отъ матеріи и могутъ переходить изъ одной части матеріи въ другую,—

**) Если даже химики готовы отречься отъ понятія вещества или матеріи.

или же, что отъ первой части матеріи что-то ея собственное отдѣлилось и присоединилось ко второй, такъ что первая умалилась, а вторая умножилась, или, наконецъ, что матеріи совсѣмъ нѣтъ, а есть только силы, и что одна сила или центръ силъ, называемая шаромъ № 1, передала часть себя или присоединилась къ другой силѣ или центру силъ, называемой шаромъ № 2. Съ точки зрѣнія наивнаго реализма и научнаго матеріализма или же динамизма всѣ эти толкованія одинаково законны. Съ точки же зрѣнія критики познанія они всѣ одинаково наивны, ибо всѣ эти факты совершились въ сущности только въ нашемъ воспріятіи и представленіи и, разбираясь въ нихъ, мы можемъ логически разложить событіе только на рядъ перемѣнъ въ своихъ воспріятіяхъ и представленіяхъ.

Приводя въ порядокъ и обобщая, по логическимъ же законамъ, эти перемѣны, мы говоримъ: „произошло *явленіе*, называемое *движеніемъ*; въ этомъ явленіи играли роль два какіе-то *элемента* дѣйствительности x и y , называемые *тѣлами* (въ данномъ случаѣ шарами); чтобы явленіе это состоялось, необходимо предположить въ обоихъ элементахъ предварительную способность къ движенію, т.-е. энергію (въ данномъ случаѣ потенциальную), а какъ носители и источники этихъ энергій означенные элементы дѣйствительности, или по механикѣ—системы), x и y , должны быть названы или сами *дѣятелями*, или въ нихъ должны быть предположены какіе-то дѣтели или *силы*. При этомъ что-то передалось отъ одного элемента въ другой, что мы какъ *явленіе*, нами воспринятое, называемъ *движеніемъ*, а въ смыслѣ научно-механическомъ — *работой*. Вотъ единственный возможный объективный логическій анализъ факта, а чтобы уяснить себѣ, что такое вообще „дѣтели, силы, явленія и элементы дѣйствительности, — тѣла, ихъ энергіи, движенія и даже работа“, мы должны прибѣгнуть къ субъективному опыту, къ анализу состава и элементовъ своей мысли, сознанія.

При этомъ мы совершенно законно можемъ прійти къ слѣдующимъ предположеніямъ:

1. Такъ какъ мы знаемъ непосредственно только одного дѣятеля въ природѣ, наше собственное *я* или *субъектъ*, какъ носителя сознанія и какъ непосредственный источникъ нашей психической энергіи и работы, то мы можемъ законно думать, что всякіе дѣятели въ природѣ или всякіе источники энергіи суть для себя и внутренно своего рода *я*, или субъекты.

2. До сихъ поръ называли эти дѣятели или субъекты душами, а въ общей ихъ совокупности *духомъ*, выражая въ этихъ понятіяхъ не что иное, какъ извѣстный узелъ дѣйствія или центры силъ, проявляющихся въ извѣстныхъ *энергіяхъ*, движеніяхъ, работѣ. Мы можемъ и впредь называть ихъ этимъ именемъ, помня только, что дѣло идетъ не о прежнихъ „метафизическихъ“ субстанціяхъ, а только объ извѣстнаго рода логико-алгебраичныхъ знакахъ, для выраженія эмпирически воспринимаемыхъ свойствъ субъектовъ—„быть источниками сознательнаго дѣйствія и носителями необходимыхъ для него энергій“.

3. Такъ какъ субъектъ нашъ сознаетъ, что онъ не весь есть сознательный дѣятель, а еще и не вполне сознаваемое орудіе дѣйствія, то онъ приписываетъ себѣ тѣло, какъ такое орудіе и, въ то же время, среду дѣйствія, а міру—вещество или матерію, и называетъ ее объектомъ своего (психическаго) дѣйствія, своей (психической) работы.

4. Но далѣе онъ сознаетъ также, что и самъ онъ является объектомъ дѣйствія другихъ дѣятелей и воспринимаетъ эти дѣйствія, и потому дѣлитъ себя на дѣйствующій субъектъ или волю, и воспринимающій субъектъ (умъ и сознаніе вообще).

5. Какъ велика сила нашего субъекта, какъ дѣятеля, какъ воли, т. е. какъ носителя потенциальныхъ энергій дѣйствія, мы не знаемъ въ точности, но должны допустить ограниченность суммъ этихъ накопившихся или неразсѣявшихся еще въ насъ потенциальныхъ энергій дѣйствія, этого капитала нашихъ психическихъ энергій, которыми мы и живемъ всю жизнь. Но эта ограниченность об-

шей суммы психическихъ энергій еще не рѣшаетъ отрицательно вопросовъ о свободѣ воли и безсмертіи личнаго сознанія, такъ какъ, будучи продуктами сложной эволюціи природы, человѣческіе организмы могутъ считаться такими значительными запасами потенциальныхъ психическихъ энергій, которые не могутъ быть истощены всею нашей жизнью и не могутъ находить въ средѣ такихъ абсолютныхъ противодѣйствій, которыхъ бы они не могли преодолевать при переходѣ своемъ въ кинетическое состояніе. Въ этомъ смыслѣ воля можетъ быть относительно свободна, а субъектъ, какъ дѣятель, не истощимъ въ своей внутренней потенциальной энергій, которая можетъ быть переведена въ работу не только извнѣ—физическими толчками, но и изнутри—самосознаніемъ*).

б. Разсѣивается ли всецѣло вся наша психическая энергія во всѣхъ ея потенциальныхъ жизненныхъ запасахъ, при уничтоженіи ея орудія—организма (т. е. въ моментъ его смерти) или нѣтъ? На это пока мы не имѣемъ отвѣта, но можемъ предполагать, что если всякая энергія въ природѣ можетъ передаваться или переходить изъ одного тѣла въ другое, т. е. изъ одной среды дѣйствія въ другую, то возможно, что и психическая энергія, не буду-

*) Выраженную здѣсь кратко точку зрѣнія мы отстаивали подробно въ своей монографіи „Критика понятія свободы воли, въ связи съ понятіемъ причинности“, Москва, 1889, гдѣ рассматривали волю въ человѣкѣ, какъ продуктъ наследственнаго накопленія психическихъ энергій, и старались примирить детерминизмъ дѣйствій съ относительною свободою воли. Намъ возражать, можетъ быть, что при этомъ мы игнорируемъ законъ *инерціи*, который составляетъ основу ученія объ энергіяхъ физическихъ и о ихъ сохраненіи. На это отвѣтимъ, что закону сохраненія энергіи логически вовсе не противорѣчить допущеніе «самопочиннаго» перехода потенциальныхъ энергій въ кинетическія—лишь бы общая сумма тѣхъ и другихъ оставалась постоянной. Физика признаетъ, въ связи съ ученіемъ о законѣ сохраненія энергіи, безконечно малыя величины энергіи. Пусть дѣло идетъ о «безконечно малыхъ» величинахъ энергіи, «отодвигающихъ собачку, задерживающую зубчатое колесо механизма»... Для ученія объ относительной свободѣ воли этого достаточно, чтобы взять перевѣсъ надъ ученіемъ объ абсолютной инерціи и пассивности въ природѣ, а для закона сохраненія энергіи «безконечно малая» величины безвредны.

чи совершенно истощена жизнью, не можетъ всецѣло разсѣяться или перейти въ такъ называемыя физическія энергіи распадающихся частицъ тѣла (въ трупѣ), а переходить со всѣми ея основными свойствами (сознаніемъ и самосознаніемъ) въ другую среду, наприм., невѣсомую, эфирную, которая, какъ мы видѣли, считается иногда „средою дѣйствія психической энергіи“ даже въ самомъ организмѣ—въ нервной его системѣ.

Душа человѣка, въ прежнемъ значеніи слова, можетъ быть и есть эта эфирная нервная среда, вмѣстѣ съ ея особыми психическими энергіями? Если тепловая энергія переходитъ изъ одного тѣла въ другое, а электрическій токъ или энергія переходитъ по проволоцѣ изъ одного аппарата въ другой, то почему (а ргіогі) психическій токъ не можетъ перейти чрезъ эфирную среду въ другія тѣла или пространства? На почвѣ энергетизма ученіе о безсмертіи личнаго сознанія можетъ быть современемъ найдетъ себѣ новое, *научное* оправданіе.

Конечно, все это гипотезы, предположенія, догадки, мечты. Имъ можно противопоставить другія гипотезы, догадки и предположенія. Мы хотѣли только показать, что энергетическая теорія, теорія „психической энергіи“ и подчиненія ея „міровому закону сохраненія энергіи“ сама по себѣ не предрѣшаетъ ни одного метафизическаго вопроса, а только ставитъ ихъ на совершенно новую почву. Весьма вѣроятно и возможно, что современемъ именно на почвѣ закона сохраненія энергіи будетъ оправданъ постулатъ сохраненія извѣстной части энергіи сознанія, т. е. этическій постулатъ личнаго безсмертія. Если теплота не вся можетъ быть превращена въ энергію механическаго движенія, то тѣмъ болѣе можно допустить, что психическая энергія, энергія сознанія, не вполне превратима въ молекулярныя физическія и химическія энергіи матеріальныхъ элементовъ трупа. Отсюда ясно, что и этика и даже религіозное міросозерцаніе отъ изложенной нами гипотезы нисколько не могутъ пострадать—что нравственная и религіозная фи-

лософія могутъ найти въ психологической энергетикѣ только новые методы и горизонты для изслѣдованія своихъ проблемъ. Вообще повторимъ то, что мы сказали въ концѣ II главы, а именно: что методологическій приѣмъ изученія психической работы или дѣятельности съ точки зрѣнія энергетической нисколько не уничтожаетъ точки зрѣнія внутренняго опыта и необходимости признанія психическихъ и этическихъ цѣнностей для нашего самосознанія, хотя бы и явилась въ послѣдствіи полная возможность выраженія этихъ цѣнностей въ „механическихъ эквивалентахъ“. Энергетика въ психологіи должна явиться, какъ выражаются механики и физики, *полезной рабочей мощностью*, нисколько не исключаяющей точки зрѣнія внутреннихъ оцѣнокъ. Вѣдь мы прилагаемъ эти внутреннія, субъективныя оцѣнки и къ предметамъ и явленіямъ физическимъ: наприм., ставимъ свѣтъ солнца выше свѣта луны, хвалимъ телефонъ, какъ лучшій инструментъ для передачи мыслей, чѣмъ телеграфный аппаратъ, электрической свѣтъ предпочитаемъ свѣту горящаго газа, предпочитаемъ золото серебру и алмазъ стеклу и проч. Но это не мѣшаетъ намъ разсматривать всѣ предметы и силы природы съ точки зрѣнія энергетики и законовъ сохраненія вещества и энергіи. Сознаніе вообще имѣетъ два основныхъ критерія для оцѣнки отношеній всѣхъ вещей, а также и себя самого (въ своихъ проявленіяхъ), а именно — внутренній и внѣшній, качественный и количественный *).

Психологія, какъ наука точная и экспериментальная, конечно пріобрѣтетъ безконечно обширные новые горизонты для своихъ изслѣдованій, если, отбросивъ нѣкоторые старые приѣмы и отжившія понятія, она пріоб-

---

*) Ученіе о психической энергіи и ея сохраненіи во времени и въ пространствѣ въ *эмпирическомъ* субъектѣ и окружающей его средѣ нисколько не противорѣчитъ, поэтому, ученію о *трансцендентальномъ* безвременномъ субъектѣ и о внѣвременной и непространственной оцѣнкѣ психическихъ отношеній. Время и пространство функціи движенія въ матеріальной средѣ. См. нашу статью „О времени“. Вопросы философіи. 1895, кн. XXII—XXV.

шится къ общей работѣ естественныхъ наукъ, т.-е. къ разработкѣ ученія объ энергіяхъ, о ихъ превращеніяхъ и сохраненіи въ природѣ и въ организмахъ. У новой энергетической психологии будетъ уже то преимущество, что понятіе „психической энергии“ дастъ новое обоснованіе старому ученію о психической активности и о реальномъ дѣйстви психическихъ силъ на физическую среду, т.-е. понятію воли, какъ творческаго начала дѣятеля, понятію „идей-силъ“ и т. п. Въ то же время является возможность новыхъ объясненій процессовъ ощущенія, чувствованія, мышленія, творчества,—явленій воли, памяти, иллюзій и т. п.

Мы знаемъ, что наши мысли объ этомъ предметѣ будутъ сначала встрѣчены съ недоумѣніемъ и даже можетъ быть враждебно,—такова была первоначально и судьба ученія о физическихъ энергіяхъ и ихъ сохраненіи. Но мы глубоко увѣрены, что изложенная точка зрѣнія вѣрна и что она рано или поздно восторжествуетъ, какъ всякое ученіе, основанное на фактахъ опыта. Будемъ сами работать и просимъ другихъ безпристрастныхъ изслѣдователей заняться логической и эмпирической провѣркой нашихъ положеній и предположеній.

Н. Я. Гротъ.